

ПРОЛОГ

*Сентябрь, 202... г.
Где-то в России*

Картинка на огромном настенном мониторе больше всего напоминала кадры из старого, девяностых еще годов фильма или, скажем, видеоигры. Синие на траурно-черном фоне контуры континентов, развернутые в меркаторской проекции, и связывающие их зеленые дугообразные треки, вырастающие из основной плоскости, практически из одной точки. Судя по конфигурации рек и морских побережий, а также по буквенно-цифровым обозначениям возле пусковых позиций и отметок целей, где-то в районе республики Марий-Эл.

Три линии мигают, постепенно удлиняясь. Еще три оборвались пульсирующими красными крестиками вблизи высшей точки изгиба. И лишь одна уперлась в чужой континент и начала расползаться багровой кляксой.

— Четырнадцатая гвардейская ракетная дивизия отстрелялась, — негромко произнес стоящий за креслом офицер. — Семь пусков по це-

леуказаниям американцев: Невада, Западное побережье. И еще две цели в Мексике.

Генерал обернулся. За креслом находился полковник, на петлицах которого — перекрещенные меч и стрелы под круглым щитом.

— Йошкарولينцы?

Кивок.

— И как результаты?

Ненужный вопрос: все было видно и без пояснений. Которые, впрочем, последовали незамедлительно.

— Из семи боеголовок дошел единственный планирующий блок «Авангард», — с готовностью отрапортовал эрвээсэнщик. Видно было, что он рад возможности делать хоть что-то, пусть даже давать никому, в сущности, не нужные пояснения. Что угодно, лишь бы не стоять и не смотреть молча в монитор, бесстрастно транслирующий конец света.

— Цель — Вегас. Еще три перехвачены и сбиты. Два в данный момент снижаются и маневрируют в плотных слоях.

— Куда они идут?

Как будто бледное продолжение ярко-зеленых дуг не указывает на это яснее ясного...

— Мексиканский Экатепек-де-Морелос и Лос-Анджелес. Но вероятность успеха крайне мала: по ним уже трижды стреляли, и с лодок, и «Буревестниками». Сами американцы тоже пробовали. Те все перехватывают.

Словно услышав его, два трека замигали, и на конце у них вспыхнули красные крестики.

Секунду спустя та же участь постигла и последний, седьмой.

— Один к шести — неплохой результат, — помолчав, оценил генерал. Следовало хотя бы попытаться добавить подчиненным оптимизма. Не получилось. Впрочем, он особо и не рассчитывал на успех, и это было заметно по глубоким морщинам в уголках глаз, где притаились невероятная усталость и глухая безнадежность.

— Больше наши американцам помочь ничем не смогут, — глухо ответил полковник. — Ни им, ни китайцам, никому. И так уже доскребли по сусекам последние «Ярсы» с «Тополями», остались только старые, шахтные...

Генерал согласно опустил подбородок.

— Да. ПЛАРБЫ уже отстрелялись и вернулись в базы, а новых «пасхальных яичек» для них нет. «Посейдоны» тоже все, как и «Буревестники». Стратеги из Энгельса могут теперь достать разве что цели в Северном Китае — но сколько их осталось, стратегов-то... Да и проку от этого немного: те уже прорвались в Бессарабии, да и в Забайкалье их сдерживают только огромные расстояния да крайне низкая плотность населения. Есть, правда, еще тактические ядерные заряды, но надолго ли их хватит? Еще месяц, максимум два — и все, конец. Аллес.

И снова никто из присутствующих не спросил, кто это — те. За прошедший год у всех жителей планеты это местоимение — с учетом местной лингвистики, разумеется — приобрело вполне отчетливый, пугающий смысл.

Подумать только, а ведь совсем недавно люди были уверены, что 2020-й — худший год в истории...

Те. Именно так. Те. Которые нас сейчас... нет, не убивают. С этим мы и сами неплохо справляемся. Надевают. Как надевает человек новый костюм взамен истрепанной одежды. Но чем, скажите на милость, это отличается от убийства — для самих людей?

— Еще два месяца, и все, — медленно повторил генерал, и стоящие рядом увидели, как с виска ползет крупная капля пота. Порученец, высокий, щеголеватый (даже сейчас щеголеватый!) лейтенант, дернулся было к карману за носовым платком, но рука замерла на полпути.

— Два месяца, но это только в том случае, товарищи, если мы с вами сегодня не сработаем, как надо, — произнес генерал и смахнул капельку большим пальцем. — Сережа, где он? Ждет?

Лейтенант заметил, как скривился эрвээсэнщик, услышав еще одно многозначительное местоимение.

— Разумеется, товарищ генерал, — бодро отозвался он. — Прикажете пригласить?

— Зови. Время вышло.

Часть первая

СОЛО ВДВОЕМ

Понедельник, 4 сентября 1978 г.

Дворец спорта «Динамо».

Вторая половина дня

Тренера звали Василий Петрович — между собой ребята именовали его Васич. Долговязый, поджарый, как большинство спортсменов-фехтовальщиков. Ближе к концу занятий, когда подходило время учебных боев (все ждали этого с первых минут тренировки и гадали, кому из них выпадет удача), Васич сначала наблюдал за схватками, а потом в какой-то момент отодвигал одного из участников в сторону, брал эспадрон, надевал маску и... начиналось.

Он был практически неуязвим и лишь изредка нарочно придерживал клинок на отбое, чтобы правильный удар оппонента мог достичь цели. А уж если кому-то удавалось его зацепить, это было событие, которое долго потом обсуждали и в раздевалке, и в вестибюле, возле автоматов с газировкой и по дороге к метро. Но случалось

это нечасто и, как правило, с одними и теми же — ну понятно, Васич встает на дорожку только с самыми перспективными... С остальными же ограничивается советами и комментариями, порой весьма язвительными. Как, например, с Женькой Абашиным, не входившим не то что в пятерку лучших в группе, а наоборот, уверенно прописавшимся в конце списка.

Ну не его это, не его... как выяснилось. А ведь так хотелось! Женька даже уговорил записаться в секцию своего одноклассника, длинного, нескладного Сережку Астахова, Аста. Было это в самом начале прошлого учебного года, и с тех пор друзья два раза в неделю посещали занятия в спортивном комплексе у метро «Динамо», которое от их родного Речного вокзала в каких-то пяти остановках.

Как раз сейчас Аст на дорожке с худым, длинноногим и длинноруким (настоящий фехтовальщик!) Гариком. Оба, будто связанные веревочками, перемещаются туда-сюда по нарисованной на полу дорожке и обмениваются заученными ударами: батман из третьей позиции, удар в маску, отбой в маску, отбой в «пятерку», ответ в открывшийся бок. Аст только этого и ждал (а кто бы на его месте не ждал?) — поспешно пятится, и кончик клинка едва не задевает край свисающей до колен защитной куртки, старой и замызганной. Повеселевший Гарик делает шаг вперед и снова старательно выполняет батман, готовя новую атаку, точную копию предыдущей. Что ж, все правильно. Так учили.

Но как же хочется выйти самому на дорожку, позвенеть веселыми, пружинно-гибкими клинками! И пусть заранее ясен исход, пусть он заведомо не удостоится ничего, кроме скептической усмешки Васича, зато в руках будет рукоять сабли, а впереди, в мелкой сетке маски, — не опостылевший манекен, а реальный, живой противник.

Свисток, бойцы замерли, вскинув оружие в финальном салюте. Так тоже учили.

— Недурно, Астахов, Голиков. Сережа, быстрее наноси удар после батмана — противник успевает среагировать, отработывай. Садитесь пока...

Васич задумчиво оглядел скамейку, на которой дожидались своей очереди остальные.

— Теперь Дашьян и... пожалуй, Абашин.

Женька в первый момент не поверил своему счастью. А поверив — вскочил, зацепив ступней за ножку длинной гимнастической скамьи.

— Ну-ну, полегче, а то ноги тут переломаешь, — пробурчал Васич. — На дорожку, приветствие... К бою! Абашин, тебя это что, не касается?

Женька поспешно опустил маску, и Васич не успел разглядеть, как счастливая улыбка вдруг, в самый последний момент, когда лицо мальчика уже скрывалось за мятой проволочной сеткой, вдруг сменилась гримасой недоумения.

Бам-м! Хлесткий удар сверху по голове — звонко, обидно, но совершенно нечувствительно.

Свисток за спиной и недовольный молодой голос:

— Стоп! Абашин, не спи, замерзнешь!

Абашин — это я. Абашин Евгений Борисович, 1963 года рождения, образование высшее, москвич, самозанятый... А это что за проволочная хрень у меня перед носом?

— Разошлись, в позицию... Начали!

Опять свисток. Короткий, требовательный. Ноги мои сами собой, без малейшего моего участия, делают несколько шагов назад, задняя, левая, цепляет за что-то, и я с грохотом лечу на пол. Коричневый, покрытый масляной краской пол, на котором проведены две широкие белые линии, ограничивающие длинную, шага три в ширину, полосу.

Снова свисток, невнятное ругательство — никаких матов, что характерно...

— Да чтоб тебя... Абашин! Что ты тут растопырился по-крабьи? А ну вставай, и маску надень. Еще одна такая выходка, и ты отправишься на скамейку!

Маска? Точно, фехтовальная маска... Облезлая, мятая, со стеганым горжетом из грубого светло-бурого брезента. И мои руки, подхватившие с пола этот аксессуар, — подростковые, почти без волос и привычных шрамов.

Я что, сплю?..

— В позицию! Ангард!

Противник — пацан лет пятнадцати. Точнее не определить — его лицо, как и мое, скрыто фехтовальной маской. Стоит в заученной стой-

ке, сабля в четвертой позиции. Все, как в учебнике: рука, согнутая в локте, поднята вперед, кисть на высоте пояса, кончик клинка в линии левого глаза, лезвие направлено влево-вперед...

Пальцы мои явственно ощущают рукоять сабли сквозь тонкую кожу перчаток, но шевельнуть ими я не могу. Не могу — и все! Могу только бессильно наблюдать, как парнишка напротив делает шаг вперед, кистевым батманом отбрасывает в сторону мой клинок и... Вот уж хрен тебе!..

Клинок послушно отлетает, но не вбок, как рассчитывал противник, готовя академически правильный удар сверху по маске, а по дуге вниз. Поворот на левом, отставленном назад носке, передняя правая нога уходит в выпаде влево-вперед, далеко за белую ограничительную черту. Кисть переворачивается, взлетает вверх на прямом локте и — вж-ж-жик! — клинок прочерчивает победную линию от колена визави, по криво свисающей стеганке, через грудь, звякает по подбородку маски и улетает вверх.

— Туше!

Ноги тем временем сами выполняют следующее па: левая — короткий шаг назад с поворотом, окончательно вынося меня за пределы дорожки, и сгибается в полуприседе. Корпус пижонски отклонен назад, правая нога выставлена вперед в почти танцевальной позиции — выпрямлена в колене, носок едва касается пола. Сабля — в вытянутой в струнку на уровне лица руке, клинок повернут плашмя и смо-

трит в спрятанные за сеткой глаза противника. Левая рука покинула положенное ей место на поясе и прикрывает грудь — согнута в локте, словно не черная мотоциклетная крага на ней, а толстенная дуэльная перчатка, которую и кирасирским палашом не прорубишь, не то что тростинкой-эспадромом. Привет вам, маэстро Л'Абба, последний в знаменитой династии тулузских фехтмейстеров. Знаем ваш трактат, читали, ценим, пользуемся...

Свисток — длинный, вкручивающийся саморезом в барабанные перепонки.

— Стоп! Разошлись! Абашин, немедленно вернись на дорожку! — И гораздо тише: — Это что сейчас было, а?

Какая еще АББА? Шведский ансамбль, который «Мани-мани-мани» и «Мамма-мия»? Но тогда при чем тут тулузский фехтмейстер? Что вообще за бред?..

Ноги внезапно сделались ватными, и Женька опустил на пол — не хватало еще свалиться самым глупейшим образом! Маску он стянул и положил рядом. Лоб весь в капельках пота, руки трясутся, голова идет кругом.

«Сейчас Васич меня убьет. А потом — выгонит из секции. Но за что? Это не я! Ноги и руки вдруг начали действовать сами по себе, а я даже понять не успел, что они вытворяют...»

— Тебе плохо, парень? — В голосе тренера сквозила самая настоящая тревога. — Может, к врачу?

Женька встал, пошатнулся, поднял маску. Эспадрон он зажал под мышкой.

— Нет, спасибо, Васи... Василий Петрович. Голова закружилась, душно, наверное. Сейчас пройдет.

Тренер шумно втянул носом воздух.

— Да, что-то надышали мы тут... Астахов! — скомандовал он. — Ну-ка живо открой окно, то, дальше!

Долговязый Аст послушно метнулся в угол зала и заскрипел там оконной рамой.

— А ты, Абашин... — Васич ненадолго задумался. — Ступай-ка ты, пожалуй, домой. Или тебя лучше проводить? Вы с Астаховым вроде рядом живете, верно?

Женька кивнул головой.

— Да, в соседних домах. Ничего, Василь Петрович, я сам. Посажу только немного в раздевалке и пойду.

— Ну как хочешь... — неуверенно протянул тренер. И добавил уже с воспитательными нотками в голосе: — А к твоему фокусу мы вернемся в следующий раз. В кино подсмотрел, что ли?..

Женька еще раз кивнул, поставил эспадрон в стойку и направился к выходу из зала, на ходу нащупывая за спиной тесемки.

...А действительно: что это было?..

Сентябрьский денек чудесен. Женька шагал к метро через жиденский сквер, разбитый перед стадионом «Динамо», и едва сдерживался, чтобы не пуститься вприпрыжку. Несolidно,